

16. Субботний вечер в Америке

Время тыловых маневров. Все согласились (включая и Дока), что Доку следует вернуться в Альбукерк и заняться на время своими пациентами, получить деньги по их чекам и пополнить запасы.

Бонни не хотелось возвращаться в офис, и кто бы ее упрекнул? Ей хотелось остаться со Смитом и Хейдьюком, чтобы принять участие в следующем приключении, каким бы оно ни было.

Но Док не умеет водить машину, или притворяется, что не умеет, или, наконец, просто не хочет ее водить. Поэтому было необходимо отвезти его в ближайший аэропорт — в данном случае в Пейдж, — к рейсу на Нью — Мексико. Он уезжал неохотно, с глазами, влажными от переполнявших его чувств, ворчал, слишком много пил. На прощание Док обнял каждого из трех своих товарищей по очереди, Смита — первым.

— Смит, — говорит он, — старина Редкий Гость, я полагаюсь на тебя. Надеюсь, ты будешь присматривать за этими детьми. Ты же знаешь, они оба сумасшедшие, невинные и абсолютно беспомощные. Ты единственный взрослый в этих яслях. Заботься о них.

— С нами все будет в порядке, Док,нисколько не беспокойтесь. — Смит похлопал Дока по спине.

— Постарайся следить за Джорджем, чтобы он не лез на рожон.

— Сделаю, друг.

— Присматривай одним глазком за Бонни, по-моему, она заражается от Хейдьюка его неистовством.

— Я обоих глаз с нее не спущу, уж тут можете не беспокоиться.

— Хороший ты человек. И запомни вот что: хотя путь наш труден, трудности — это наш путь. Наше дело правое, и Бог на нашей стороне. Или наоборот. Мы поднялись против сумасшедшей машины, Редкий, которая калечит горы и пожирает людей. Кто-то должен попытаться остановить ее. Это мы. Особенно ты.

— Это точно, Док. Давайте, зарабатывайте там денюжат и возвращайтесь скорее к нам. — Смит улыбнулся. — Не забудьте экскурсионные суда и дрессированных дельфинов.

— О, Господи, — говорит Док, — вы тут все сумасшедшие. Следующий!

Джордж Вашингтон Хейдьюк, крепкий орешек, мужик грубый и вульгарный, вышел вперед. Доктор Сарвис потащил его в сторонку от остальных. — Джордж, — говорит он, — отойдем на минуту.

— Ладно, Док, я знаю, что вы хотите мне сказать, — Хейдьюк, крепкий, приземистый, как пивная бочка, источающий, как всегда, запах пота, и пыли, и пива, выглядит почти... почти взволнованным. — Слушайте, Док...

— Нет, ты слушай меня.

— Нет, слушайте, это же была не моя идея. Я никогда не хотел, чтобы она занимала передовые позиции. От нее одни неприятности.

Док улыбнулся, обняв хейдьюковы загорелые плечи. Как медведь с буйволом. — Джордж, — говорит Док, — слушай внимательно. Мне сорок девять лет. С половиной. Уже за перевалом. Бонни знает это. Ты берешь ее. Теперь твоя очередь.

— Да я ее не хочу.

— Не лги мне, Джордж. Бери ее. То-есть, если сможешь, конечно. Если ты настоящий мужчина. Бери ее и мое благословение вам обоим. Не спорь со мною.

Хейдьюк опустил глаза, помолчал, чувствуя себя явно неловко.

— Старина Редкий, вот кто действительно хочет ее.

— У Смита есть голова на плечах. Он человек здравомыслящий и со вкусом. Не такой дурак, как ты. Тогда пусть он ее возьмет. Вот уж точно, сваляешь дурака.

Хейдьюк вспыхнул.

— Не собираюсь я бороться за нее. Какого черта? В мире есть кое-что поинтереснее, чем это.

— Нет ничего более интересного, чем женщина, Хейдьюк. По крайней мере, в этом мире.

— Они прошли еще один небольшой круг, а самолет Дока в это время готовили к вылету, — наполняли доверху топливные баки, проверяли турбокомпрессоры, крепили хвост и элероны.

Летнее солнце Аризоны освещало все своим неистовым светом — аэропорт, электростанцию, аэроплан, жителей Пейджа, провожающих и празднующихся, пассажиров, автомобили, но, безусловно, ярче их всех оно освещало мисс Б. Абцуг.

Док Сарвис, он знал; он знал драгоценность такого сокровища. Да и любой нормальный мужчина здорового естественного благочестия преклонил бы колена перед этой святыней, стена, как больная гончая, и целуя кончики ее розовых пальцев с подобострастным обожанием.

Смит тоже знал; он таял, как сосулька. Точно, как говорил в свое время его отец — пальчики оближешь. Знали и индейцы, валяясь в тени, наблюдая за ней, как голодные зайцы, хохоча, рассказывая свои анекдоты плейстоценовой эры (более приличные). Только Хейдьюк, казалось, был безразличен к этому Высшему Знанию.

— Ну, хорошо, — сказал Док. — Кажется, все улажено. Теперь я попрощаюсь с Бонни.

Она заплакала — немножко.

— Ну, ну, родная, у тебя тушь течет. Не плачь.

— Если б она не плакала, он бы страдал, конечно. Он гладил ее по волосам, по дивным изгибам талии и бедер. Индейцы хихикали. К черту их всех! Дикари каменного века, разъезжающие в пикапах с галстуками из болоньи на шее, жующие хлеб Рейнбо, уставившись в телевизор, глядя каждый свой нудный вечер все тех же «Соседей мистера Роджерса».

— Я не плачу, — сказала она, орошая слезами новую элегантную замшевую жилетку Дока.

— Я вернусь через пару недель, — сказал он. — Ты тут смотри за этими идиотами, пусть они пьют витамины и чистят зубы после каждой еды. Не дай Джорджу упиться до смерти. Да, и пусть Джордж навещает своих жен время от времени.

— Конечно, Док, — она всхлипывала между его тирадами, плотно прижавшись грудью к его осанистому брюшку.

— Будь осторожна. Не проговорись Джорджу, что тебе понадобилась помощь со взрывателем. Он не знает. Заставь этих маньяков поупражняться в самоограничении. Не плачь, милая. Я тебя люблю. Ты меня слушаешь?

— Она кивнула в его объятиях, все еще всхлипывая.

— Ну, ладно. Чтобы никакой беды не случилось до моего возвращения. Делайте свое дело, но так, чтобы никто не пострадал. И смотрите, чтобы вас не поймали.

Она снова кивнула. Пилот прибавил обороты двигателя. Прерывистый рев поднялся волнами, достигая Башенной горы, Алых Скал, Одинокого Камня и далее, и далее, — сумасшедшая болтовня обезумевших поршней. Пассажиры направились к проходу: ковбои с чемоданчиками; богатые хиппи, увешанные бусами и лентами не хуже какого-нибудь индейца юта или пайюта. Они отправлялись на берега Ганга в поисках нового гуру. Служащие Бюро мелиорации земель США с головами, как турнепс, и глазами, как таблетки крысиного яда, придерживали поля своих шляп, сносимых потоками воздуха от двигателей;

милые маленькие старушки в шалях летели в Феникс, чтобы сидеть с детьми (Сью снова разводится). В этот день, казалось, пол-Пейджа было здесь, и все куда-нибудь отправлялись, — и кто бы их осудил за это? В любой город, где больше баптистов, чем индейцев. Где больше любителей пива, чем скверного вина. Где больше моторных лодок, чем берестяных каноэ. Больше солнечного света, чем эмоциональности.

— Теперь тебе пора идти.

Он поцеловал ее щеки с дорожками от слез, прекрасный рот, тяжелые ресницы ее закрытых глаз

— Док...?

— Да...?

— Все еще люблю тебя, Док, ты знаешь...

— Конечно, Бонни...

— До встречи...

— Конечно...

Доктор Сарвис с сумкой, газетой и плащом в руках, торопится к трапу, обшаривая по дороге все карманы в поисках билета. На верхней ступеньке трапа он театрально останавливается, оборачивается, чтобы помахать рукой, — не на прощанье, а до скорой встречи — своим друзьям и товарищам. Бонни, прислонившись к тощему костяку Редкого Смита, быстро прикоснувшись к щекам красным носовым платком, машет ему в ответ.

Они смотрели, как самолет, покачиваясь, двинулся по взлетной полосе, ведомый двигателями, завывающими, как раненое животное. Видели, как крылья снова совершили свою магическую работу, как колеса оторвались от асфальта и сложились в свои гнезда, как неуклюжая жестяная птица, накренившись, перелетела через линию электропередачи (едва не задев ее), поднялась, и, заложив вираж, взмыла в слепящем сиянии солнца.

Неясно чувствуя, что рядом стало как-то пусто, они удалились в укромный уголок знакомого бара, чтобы посоветоваться. Час пик: в подвальчике было полно жаждущих мужчин; за одним столиком сидело шестеро темнолицых ковбоев со своими пышными подружками. Бонни опустила монетку в музыкальный ящик, выбрав свои любимые вещи — сначала тяжелый рок в исполнении какого-то ансамбля нуворишей из Англии. Его терпеливо прослушали. Затем последовала другая рок-группа с истерическими завываниями какой-то певицы, имитирующий африканский стиль, затем блаженной памяти Дженис Джоплин. Это уж было слишком. Ближайший ковбой поднялся на ноги. Росту в нем было шесть футов восемь дюймов, и ему потребовалось некоторое время, чтобы выпрямиться во весь этот рост. На своих длинных ногах, напоминающих кронциркуль, он сделал несколько шагов к музыкальному ящику и пнул его, сильно; это не помогло, тогда он пнул его еще раз, сильнее. Это сработало. Игла поехала по бороздчатой поверхности винилового диска;

жуткий визг, усиленный динамиками, как молния, пронзил уши, мозг и нервную систему всех присутствующих. Сильные мужчины вздрогнули. Рефлексы музыкального ящика активизировались, снова вошли в автоматический серво-механизм: рычаг возврата снял ненавистную запись и поставил ее на место. Пока ковбой бросал свою монетку в щель, настал момент драгоценной, благословенной тишины.

Только один момент.

— Эй! — завопила Бонни Абцуг грубейшим своим рыком, — это я поставила ту запись, которую ты пнул своими кривыми ногами, сукин ты сын.

Ковбой вежливо игнорировал ее. Спокойно поставив иглу, он выбрал Мерле Хаггард, Хэнка Сноу и (Боже ты мой!) Энди Вильямса, нажал соответствующие кнопки и опустил еще одну монетку.

Бонни вскочила.

— А ну поставь обратно мою Дженис Джоплин! — Не обращая на нее никакого внимания, ковбой выбирал следующие три пластинки. Бонни наклонилась к нему, пытаясь отодвинуть его плечом. Он резко оттолкнул ее.

Тут поднялся Хейдьюк: три порции виски и кварта пива играли в его потрохах. Он почувствовал — момент настал. Выпрямившись во весь рост (что составляло целых пять футов восемь дюймов), он встал на цыпочки и похлопал ковбоя по плечу. Тот обернулся.

— Привет, — сказал Хейдьюк, улыбаясь. — Я хиппи, — и ткнул его с размаху в живот. Тот отшатнулся к стене. Хейдьюк обернулся к остальным пяти ковбоям (и их телкам), сидевшим за столом. Они стали подниматься из-за стола, тоже улыбаясь. Он начал свой номер.

— Меня зовут Хейдьюк, — ревел он, — Джордж Хейдьюк, и я счастлив, что я тут. Я слышал, что сексуальная революция добралась наконец и до Пейджа, дурацкой столицы графства Коконино. И я только хочу сказать — это чертовски подходящее время. Я слышал, что нынче даже ковбоя уже можно уложить. Я слышал ...

— Ну, блин. На этот раз не те ковбои.

Хейдьюк приходил в себя постепенно, болезненно, через бред и воспоминания, лабиринты кошмаров и галлюцинаций под нестерпимую головную боль, чтобы наконец обнаружить, что находится (Господи Иисусе Христе!) в комнате мотеля. Нежные руки обтирали теплой влажной тканью раны на его голове и лице. Сквозь розовый туман ран и боли он видел ее лицо, склонившееся над ним, нежное и прелестное, как лицо ангела.

— Идиот, — едва расслышал он, — тебя же могли убить. Их было шесть, а нас всего трое.

— Трое — кого? Шесть — чего?

— Бедный старина Редкий, — продолжала она — его едва не избили, когда он тебя оттуда вытаскивал. Они и его хотели убить.

— Кто?

Он попытался встать. Она навалилась на него, толкнув обратно на подушки.

— Расслабься, я еще не закончила. — Она вытащила кусок стекла из раны у него на макушке. — Это нужно будет зашить.

— Где Редкий? — крикнул он.

— В ванной. Обмывает свои травмы. Он в порядке, не волнуйся о нем. Тебе досталось больше всех. Они треснули тебя башкой о музыкальный ящик.

— Музыкальный ящик? Музыкальный ящик... — А-а-а, теперь он припоминает. Эта запись Джаниса Джоплина. Небольшая размолвка в баре. Ковбои десять футов ростом с соколиными глазами туманно замаячили перед ним. Ну, да. Не те ковбои. Человек восемнадцать. Или, может, сорок? Все на одного.

Редкий Гость Смит появился из ванной, тощий, обернутый полотенцем. На том месте, что когда-то именовалось его лицом — кривая усмешка, одно фиолетовое веко и явно сбитый на сторону нос. В ноздрях — окровавленные комки ваты. Шагая на своих слишком длинных ногах, он сейчас более чем когда-либо напоминал какую-то птицу — говорящего канюка, быть может, или светловолосого коршуна с гребня каньона.

— Какой фильм по программе «В понедельник вечером»? — спрашивает он, включая телевизор.

— «В субботу вечером», — отвечает Бонни.

Они провели вечер в оштукатуренном боксе мотеля «Отдых в тени» — небольшом домишке весьма преклонного возраста (без бассейна), который, однако, был гордостью Пейджа. Кондиционер не работал, телевизор снова и снова бормотал что-то невнятно и бессвязно. Смит зашил рану на голове Хейдьюка, заклеил пластырем. Вместе с Бонни они обработали раны поменьше и помогли Хейдьюку забраться в ванну. Смит ушел за пивом и едой. Бонни обмывала Хейдьюка своими нежными руками, и когда его пенис поднялся во всем своем великолепии, — чего и следовало ожидать, — она ласкала его любящими пальцами, щедро одаривая комплиментами. Хейдьюк быстро выздоравливал. Несмотря на свой ступор, он знал, — он был избран. Теперь уж он ничего не мог с этим поделать. Избитый, но благодарный, он покорился.

Вернулся Смит. Они поели. Смит — тактичный человек! — исчез, как только кончился фильм, уехал в пустыню на своем пикапе, спал под звездами на своем спальнике в компании с тарантулами и гремучими змеями, и снились ему, без сомненья, его покинутые жены.

Абцуг и Хейдьюк, оставшись, наконец, наедине, вцепились друг в друга, как вагонетки на сортировочной станции. Никто не вел счета в эту ночь, но шаткая гостиничная койка раскачивалась на ножках и ударяла в стену гораздо больше раз, чем подобало бы считать пристойным; стоны и выкрики Бонни звенели в темноте с непредсказуемыми, но достаточно короткими перерывами, вызывая недоброжелательные комментарии в соседних комнатах.

Поздним утром следующего дня, — было уже время выписываться из мотеля, — после грандиозного финала они лежали на влажных простынях, размягченные, как морские водоросли, она — переполненная, он — иссякший. Довольно долго они прислушивались к легкому стуку в дверь — это Смит скромно постукивал костяшками пальцев по пустой внутри фанерной двери, на которой было прикреплено следующее объявление, взятое в рамку:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Время выписки — 10 часов утра

Весь инвентарь вашей комнаты пересчитан и внесен в список.

Ваше имя, адрес и номер водительского удостоверения сохраняются в нашем постоянном архиве.

Хорошего вам отдыха!

И — ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ СНОВА!

Администрация

Мотель «Отдых в тени»

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:05:19

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:05:40